
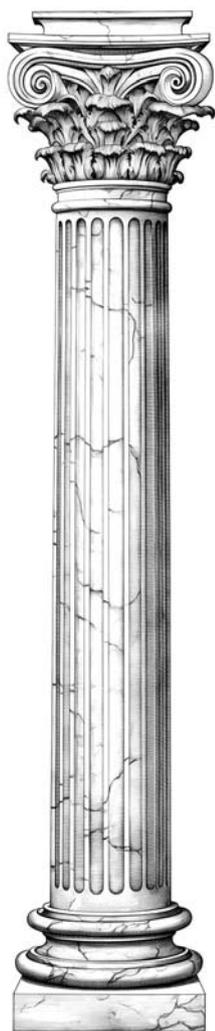
ПРОЛОГ

Я ОДНА. У МЕНЯ больше нет сестер.

Вокруг бушует гроза. В раскатах грома слышатся голоса разъяренных богов, а в росчерках молний видятся их улыбки. Первозданная сила вырвалась на свободу. Могучая, неподвластная никаким цепям, никаким замкам. Она вырвалась, чтобы уничтожить меня. И никто не придет на помощь. Никто не спасет меня.

Всполохи разломов, змеящихся по небесной плоти, освещают спины тех, кому я доверяла больше всего на свете. Они уходят, даже не оглядываясь. Нити, связывающие нас, рвутся с каждым их шагом, с каждым моим надрывным криком. Они натягиваются, словно струны лютни в неумелых руках новичка. Достаточно легкого касания, чтобы они лопнули.

И стихия не церемонится. Те, кто выпустил ее в этот мир, даже не думают быть осторожными. Крик замирает на моих губах — раздается звон. Натяжение в груди ослабеваает, когда единственное, что удерживало меня от падения, рвется. Я лечу вниз под завывание ветра, и только капли дождя остаются рядом.

Протягиваю руку в отчаянной попытке ухватиться за что-то, но чувствую лишь воздух. Я низвергаюсь прямо в Тартар, но никто этого не замечает. Всем все равно. По мне не будет слез. Не будет скорби. Только тихая, спрятанная глубоко в душе радость оттого, что меня не стало. Исчезла еще одна помеха на пути к величию.

Ветер бьет по лицу, рвет одежду и волосы. Слезы перемешиваются с дождем, и мне кажется, что сама природа рыдает о своей дочери. Но я больше не кричу. Не дам им насладиться моими криками. Не буду слабым зверьком, молящим о пощаде. Ее все равно не будет.

Закрываю глаза в тот миг, когда очередная молния освещает непроглядную тьму вокруг. Я лечу все глубже и глубже в пропасть, и некому подать мне руку. Некому остановить это падение.

Я одна. У меня больше нет сестер.

Только соперницы.

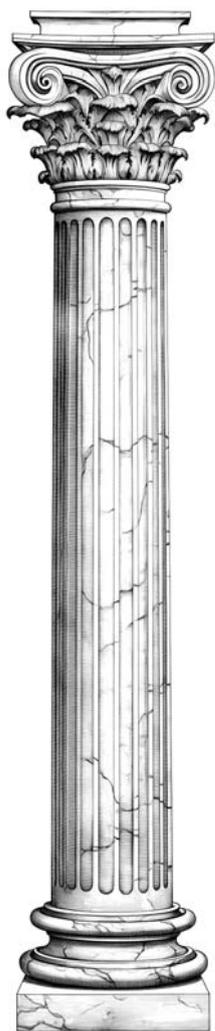

• КЛИО •

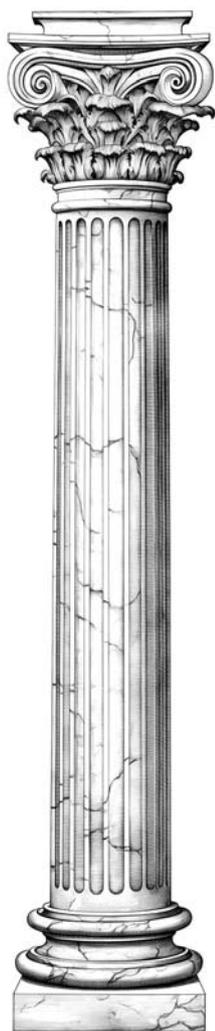

ГЛАВА 1

РЕЗКО ВСКАКИВАЮ С КРОВАТИ, хватая ртом воздух. Его катастрофически мало, он ускользает от меня. Я как будто все еще падаю, и потоки ветра хлещут мою обнаженную кожу. Чья-то жесткая рука перекрывает мне доступ к кислороду, но у меня нет сил, чтобы отбиться. И я задыхаюсь.

Откидываюсь обратно на подушки и закрываю лицо руками. Тру его с ожесточением, как будто пытаюсь стереть остатки кошмара. Но тот въелся слишком глубоко и не хочет уходить просто так. Медленно подступающая тревога наконец обхватила меня своими черными щупальцами и забинтовала, как мумию. Не пошевелиться, не спастись. Даже не позвать на помощь.

Я переворачиваюсь на бок и, обнимая одной рукой подушку, второй

обхватываю кулон. Он кажется раскаленным, но я не обращаю на это внимания и еще сильнее сжимаю его в кулаке. Из окна падает оранжевый свет, заливая комнату теплом. Уже клонящееся к горизонту солнце робко заглядывает ко мне, и я сонно улыбаюсь. Уверена, будь Гелиос здесь, обязательно пожурил бы меня за сбитый режим. Но он далеко в небесах, парит вместе с четверкой своих огнедышащих коней. Ему не до меня.

На миг холодею, понимая, что во сне и он не пришел мне на помощь. А ведь Гелиос видит все, даже грозовые тучи ему не помеха. Пока солнце скрывается где-то за ними, он следит за всем, что происходит в землях смертных и на Олимпе. Пытаюсь себя успокоить: Гелиос никогда бы не позволил мне упасть. А сны на то и сны, чтобы быть нереалистичными. Впрочем, этот не так далеко от правды. У меня не получается сдержать стон, когда тревога снова вгрызается в тело.

Скоро наступит сезон Вдохновения. Ненавижу это время. Оно полно лживых улыбок, неискреннего смеха, спешки. И постоянного, нескончаемого напряжения. Каждый раз после этих десяти недель я чувствую себя жертвой Джека Потрошителя. Только в отличие от бедных девушек моя пытка продолжается из года в год.

Мой тихий вдох повисает в пустой квартире, и я представляю, как он дымкой тумана рассеивается в пространстве. Мысли вяло ворочаются в тяжелой голове, и меня снова начинает клонить в сон. Солнечный зайчик отскакивает от большого зеркала в золоченой раме и падает мне на лицо, словно теплый поцелуй.

Я снова потягиваюсь и заставляю себя сползти с постели. Бумага жалобно хрустит, когда моя ладонь случайно

опирается на нее, впечатывая в смятую кровать. Охаю и осторожно сворачиваю свиток в трубочку, а после щелкаю пальцами. Он исчезает, присоединяясь к другим частям летописи всего мира, что я веду с самого своего рождения.

Прошлепав в ванную, хмуро смотрю на свое бледное лицо. Сон явно не пошел мне на пользу. Времени до встречи еще много, я даже успею попить чаю, но все же стоит поторопиться. Быстро умываюсь ледяной водой, смывая солоноватые дорожки слез. Нет сил задумываться над макижем или нарядом: мне все еще кажется, что своим телом я распарываю полотно неба. Стремительной кометой лечу вниз, где меня не ожидает ничего хорошего.

Я встряхиваюсь, отгоняя от себя воспоминание, и переодеваюсь в черное платье с квадратным вырезом. Распушенные волосы, в которых играет золотое солнце, рассыпаются по плечам. Во впадинке между ключицами лежит кулон, глажу его округлый бок. Из-за слишком короткой цепочки мне снова кажется, что не могу сделать вдох. Меня никак не покинут ощущения невесомости и неотвратимости приближающейся смерти. Прочистив горло, хлопаю себя по щекам. Все в порядке. Это просто сон. Просто сон.

Выходя из комнаты, я бросаю взгляд на кровать. В золотых лучах она кажется еще более манящей, чем раньше. На мгновение меня одолевают сомнения. Быть может, остаться дома? Снова забыться во сне, надеясь, что кошмар в этот раз меня не настигнет?

Но в тот момент, когда я почти принимаю решение никуда не идти, свет покидает комнату. Вещи, легкие и волшебные в его лучах, вновь становятся обычными, а сама себе я кажусь жалкой. Я с честью прошла уже сто пятнадцать сезонов Вдохновения и ни разу не пострадала. Подавленный

негатив не в счет, главное, что у меня не появилось опасных врагов. В этот раз ничего не поменяется.

Я закрываю дверь на ключ и, сбегав по ступенькам, выхожу на улицу. Санкт-Петербург дышит весной, это чувствуется в каждом деревце, на котором начинают появляться почки, в звонком пении каждой пичужки, в каждой беспричинной улыбке прохожих. Потеплевший ветер ласково обдувает лицо, и я застегиваю пальто на все пуговицы. Болезни обходят меня стороной, но не холод. Он, словно радостный щенок, покусывает за щиколотки и кисти, то ли злясь, что ему приходится уходить до следующей зимы, то ли по-доброму прощаясь.

Путь до кафе не занимает много времени. Дверь приветливо скрипит, и я глажу кончиками пальцев шерсть фигуры медведя, поднявшегося на задние лапы и встречающего гостей. Его огромное тело кажется чересчур диким и опасным, но благодушная морда позволяет забыть о первоначальном ужасе. Хотела бы я вот так просто избавиться и от ощущения нависшей надо мной угрозы.

Проходя мимо скульптуры Пушкина, посылаю ему лучезарную улыбку. Этот мужчина умел веселиться не хуже Диониса. Встретясь они, обязательно бы нашли общий язык. Хотя кто знает, возможно, одним из тех элегантных джентльменов, с которым Александр Сергеевич кутил, и был переодетый бог.

Меня проводят к небольшому столику, на котором горит свеча, и я опускаюсь на мягкий стул с высокой спинкой. Большой зал обставлен уютно, почти каждую поверхность покрывают белые и коричневые ткани, а под потолком висят причудливые люстры. Поначалу, приходя сюда, я не могла оторвать от них взгляда.

Кирилл, каждый раз обслуживающий меня, улыбается, и уголки моих губ приподнимаются в ответ.

— Рад видеть вас снова. Вам как всегда?

— Да, пожалуйста.

Он уходит, и я смотрю ему в спину, стараясь выкинуть из головы кошмар. Опускаю взгляд на скатерть, лежащую на столе, но предательская дрожь все равно пробегает по телу. Скоро придется переезжать, иначе смертные начнут что-то подозревать. Хотя и стали они менее внимательны, чем были даже двадцать лет назад, и уже не так вглядываются в окружающих их людей, не общаются с соседями. Каждый погружен в свой мир, но мне не хочется рисковать. Всегда есть тот, кто подмечает все.

Печально оглядываю будто погруженный в сияние зал, вернуться в который я смогу не скоро. В этом месте чувствуется история. Я люблю его именно за это ощущение старинности, чего-то неуловимого и давно ушедшего. Чего-то, что уже не вернуть, но что навсегда осталось в наших сердцах. Ну и за десерты, конечно. Здешние сладости не сравнятся ни с чем.

Неизменно галантный официант, за вежливой улыбкой которого нередко сквозит усталость, сейчас лучится радостью. От его глаз разбегается сеточка морщин, а в походке чувствуется энергичность. Я благодарно киваю, когда он ставит передо мной фарфоровую тарелку — в центре, источая аромат, от которого текут слюнки, лежит печеное яблоко в тесте. Янтарная карамель озерцом сладости окружает его, и я облизываюсь в предвкушении.

— Я сделал ей предложение, — возбужденно шепчет Кирилл, и его глаза блестят. Затянутыми в белоснежные

перчатки пальцами он тербит бордовую бабочку. Зависть к его счастью сжимает мой желудок, но я заставляю себя улыбнуться.

— Когда свадьба?

— В июле. А на медовый месяц решили поехать в Италию. Я так волновался, когда делал предложение, вы не представляете. Думал, в обморок прямо перед ней упаду!

Кирилл переминается с ноги на ногу, как будто сдерживает себя от желания броситься мне на шею. Я смеюсь. Мелкое, грязное чувство, существование которого я даже не хочу признавать, отступает, позволяя мне искренне порадоваться за парня. Его история, скорее всего, не будет значимой и я не запишу ее в свой свиток, но счастливая жизнь — достойная цена для того, чтобы кануть в Лету безымянной, но познавшей любовь душой.

— Поздравляю! Надеюсь, вы оба будете счастливы.

— Спасибо вам за совет. Без него я бы еще не скоро решился. Спасибо, — еще раз успевает шепнуть Кирилл перед тем, как уйти к другому столику под неодобрительным взглядом второго официанта.

Стоит парню оставить меня, как вместе с ним исчезает и чувство легкости. Я опускаю взгляд на свою тарелку, но аппетита больше нет. Все вдруг кажется мне ненастоящим, словно я попала в мир из картона и меня окружают декорации и марионетки, которые кто-то дергает за ниточки.

Вяло ковыряю вилкой и отправляю в рот кусочек десерта. Яблоко тут же тает на языке, наполняя тело сладкой негой. Но в душе пустота. Мне все еще кажется, что я падаю, а в ушах звенит многоголосый смех сестер.

Тех, кто столкнул меня вниз.